

Русская литература

№ 4

И С Т О Р И К О - Л И Т Е Р А Т У Р Н Ы Й Ж У Р Н А Л

1959

Журнал выходит 4 раза в год

СО Д Е Р Ж А Н И Е

И. Еремин. К спорам о реализме древнерусской литературы	3
С. Азбелев. О художественном методе древнерусской литературы	9
Г. Макогоненко. Русское Просвещение и литературные направления XVIII века.	23
Г. Пузис. Содержание диссертации Н. Г. Чернышевского	54
Б. Бессонов. Литературно-критическая деятельность Г. В. Плеханова в 1880-е годы.	67
Г. Бердников. Заметки о раннем творчестве А. П. Чехова	87
И. Эвентов. М. Горький и русская сатира	108
Л. Крутикова. Из творческой истории «Деревни» И. А. Бунина	130
Л. Долгополов. «Возмездие», незавершенная поэма А. Блока	146

П У Б Л И К А Ц И И И С О О Б Щ Е Н И Я

Ч. Байбурди. Новое о гибели А. С. Грибоедова (по данным иранской печати) . .	171
С. Осовцов. К спорам о псевдониме «П. Щ.»	174
В. Вильчинский. Неопубликованные письма И. А. Гончарова	186
Е. Ольховский. И. Лебедев и его роман «Забытые идеалы»	189

З А М Е Т К И , У Т О Ч Н Е Н И Я

З. Власова. Из ранней деятельности П. Якушкина (по забытым и неопубликованным материалам) (195).— Л. Тарновский. Русский демократ Гирс и царская цензура (197).— А. Муратов. О «гейдельбергских арабесках» в «Дыме» И. С. Тургенева (199).— А. Мацай. Русские писатели — почетные члены Киевского университета (202).

(См. на обороте)

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Б. Лисица. Русская классическая литература в Китае	204
{ Б. Эйхенбаум. 90-томное собрание сочинений Л. Н. Толстого (критические заметки)	216
О. Костылев. Избранные сочинения С. Каронина (Н. Е. Петропавловского) . . .	224
В. Пугачев. Новая книга о В. Г. Белинском	230
М. Гин. Ценное библиографическое пособие	235
В. Бахтин. Исследование о сказах П. П. Бажова	239
А. Степанов. Насущные проблемы стилистики	242
М. Бершадская. Труды Братко Крефта о русской литературе	246
ХРОНИКА	250
Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале «Русская ли- тература» в 1959 году	253

Редакционная коллегия:

В. Г. БАЗАНОВ (главный редактор), А. С. БУШМИН, В. Е. ГУСЕВ,
В. А. КОВАЛЕВ, Ф. Я. ПРИЙМА, Вс. А. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, В. В. ТИМОФЕЕВА.

Отв. секретарь редакции Ю. А. Андреев.

Адрес редакции: Ленинград, В-164, наб. Макарова, д. № 4. Тел. А 2-39-36.

ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Г. В. ПЛЕХАНОВА В 1880-е ГОДЫ

Один из современных исследователей Плеханова справедливо отметил: «Пожалуй, нет ни одного значительного тезиса Плеханова — теоретика и историка искусства (за исключением большинства его высказываний о происхождении искусства), который нашими исследователями не подвергался сомнению или не отвергался как ошибочный».¹

Что же не удовлетворяет наших исследователей в литературном наследии Плеханова и справедлива ли их критика?

В предлагаемой статье мы коснемся лишь некоторых критических замечаний в адрес Плеханова, а именно тех, которые направлены против него как автора статей о беллетристах-народниках.

Плеханов не увидел основного социального содержания деятельности Г. Успенского — эту мысль разделяет едва ли не большинство современных исследователей творчества автора «Власти земли». Начиная с 1930-х годов и вплоть до настоящего времени Плеханову ставят в упрек ошибочное представление о крестьянстве и народничестве, а в связи с этим и о беллетристах-народниках, творчество которых было основным предметом литературно-критической деятельности Плеханова в 1880-е годы.

Вот что пишет, например, исследователь творчества Г. Успенского Н. И. Соколов: «Самым общим и самым существенным недостатком позиции Плеханова явилось то, что он не сумел вскрыть истинной социальной природы народничества. На основании того, что главными участниками народничества были представители разночинной интеллигенции, Плеханов ограничивается характеристикой социального положения разночинцев. В разночинной интеллигенции Плеханов находил типичные для народников умственные настроения и искания решений теоретических вопросов, но не видел, что сами эти искания являлись отражением движения крестьянских масс. Отсюда и при оценке Успенского, как и других писателей демократического направления, Плеханов не разглядел всей глубокой жизненной основы его творчества».²

Приблизительно те же мысли о Плеханове можно встретить и в трудах другого исследователя творчества Г. Успенского — Н. И. Пруцкова: «... Г. В. Плеханов, взгляды которого на крестьянство России были уже в то время ошибочными, не мог до конца справиться с задачей марксистского освещения познавательного и воспитательного значения творчества Успенского, органически связанного с судьбами крестьянской демократии в дореволюционной России. Блестяще обнаружив

¹ П. А. Николаев. Г. В. Плеханов и литературное народничество. «Научные доклады высшей школы, филологические науки», 1958, № 3, стр. 72.

² Н. И. Соколов. Творчество Глеба Успенского в оценке Г. В. Плеханова. «Ученые записки Ленинградского государственного университета», 1954, № 173, Серия филологических наук, вып. 20, стр. 276.

в произведениях Успенского теоретические заблуждения, Г. В. Плеханов просмотрел в них *основное* объективное содержание — отражение живой силы крестьянской демократии пореформенной России».³

Среди этих упреков в адрес Плеханова центральное место занимает замечание относительно недооценки революционных возможностей крестьянства. В нашей литературе господствует убеждение, что уже в 1880-е годы Плеханов считал крестьянство реакционной массой. Отсюда, по мнению критиков, происходят и ошибки Плеханова в суждениях о социальных истоках и сущности творчества Г. Успенского.

Не нужно глубоких изысканий, чтобы убедиться в том, что подобное мнение об отношении Плеханова к крестьянству является ошибочным. В 80-е годы Плеханов отнюдь не был склонен отрицать революционных возможностей крестьянства. «Мы не держимся того взгляда... — писал он, например, в работе «Социализм и политическая борьба» (1883), — по которому социалистическое движение не может будто бы встретить поддержки в нашей крестьянской среде до тех пор, пока крестьянин не превратится в безземельного пролетария, а сельская община не разложится под влиянием капитализма. Мы думаем, что — в общем — русское крестьянство отнеслось бы с большой симпатией ко всякой мере, имеющей в виду так называемую „национализацию земли“. При возможности сколько-нибудь свободной агитации в его среде оно отнеслось бы с сочувствием и к социалистам, которые не замедлили бы, разумеется, внести требование такого рода мер в свою программу».⁴

В написанной Плехановым «Программе социал-демократической группы „Освобождение труда“» (1884) читаем: «Группа „Освобождение труда“ *ни мало не игнорирует крестьянства, составляющего огромнейшую часть трудящегося населения России.* Но она полагает, что работа интеллигенции, в особенности при современных условиях социально-политической борьбы, должна быть прежде направлена на более развитой слой этого населения, каким и являются промышленные рабочие... Само собою, впрочем, разумеется, что распределение сил наших социалистов *должно будет измениться, если в крестьянстве обнаружится самостоятельное революционное движение,* и что даже в настоящее время люди, находящиеся в непосредственном соприкосновении с крестьянством, могли бы своей деятельностью в его среде оказать важную услугу социалистическому движению в России» (I, 375—376).

Спустя некоторое время в работе «Наши разногласия» (1885) Плеханов вновь повторил мысль о том, что программа группы «Освобождение труда» «не жертвует деревней в интересах города, не игнорирует крестьянства ради промышленных рабочих. *Она ставит своей задачей организацию социально-революционных сил города для вовлечения деревни в русло всемирно-исторического движения*» (I, 367).

Существенно заметить, что Ленин даже после 1903 года постоянно подчеркивал важность и плодотворность постановки Плехановым крестьянского вопроса в 80-е и 90-е годы. Так, в брошюре «Пересмотр аграрной программы рабочей партии» (1906) он писал: «Уже в первом проекте программы русских социал-демократов, опубликованном группой „Освобождение труда“ в 1884 году, стоит требование „радикального пересмотра аграрных отношений“ и ликвидации всех крепостнических отношений в деревне... Плеханов и в журнале „Социал-Демократ“ (конец 80-х годов), и в брошюрах „Всероссийское разорение“ и „Задачи

³ Н. И. Пруцков. Творческий путь Глеба Успенского. Изд. АН СССР, М.—Л., 1958, стр. 6. Курсив мой.— Б. Б.

⁴ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения в пяти томах, т. I, Госполитиздат, М., 1956, стр. 110—111. В дальнейшем ссылки на это издание в тексте.

социалистов в борьбе с голодом в России“ (1891—1892 гг.) неоднократно и в *самых решительных* выражениях подчеркивал громадную важность крестьянского вопроса в России, указывая даже на то, что возможен и „черный передел“ при предстоящем демократическом перевороте и что социал-демократия отнюдь не страшится и не чурается этой перспективы...

Это указание Плеханова на „черный передел“ имеет для нас особую историческую важность. Оно показывает наглядно, что социал-демократы сразу дали именно ту теоретическую постановку аграрного вопроса в России, на которой они неуклонно стоят и по сейчас.⁵

Любопытно, что еще в 1902 году Ленин не только не критиковал Плеханова за недооценку русского крестьянства как революционной силы, но даже упрекал его в обратном. В «Замечаниях на второй проект программы Плеханова» (речь идет о проекте программы РСДРП) Ленин писал: «Проект говорит в *положительной* форме о революционности мелкой буржуазии (если она „поддерживает“ пролетариат, разве это не значит, что она революционна?) и ни слова не говорит о ее консервативности (и даже реакционности). Это совершенно односторонне и неправильно.

В положительной форме мы можем (и обязаны) указать на *консервативность* мелкой буржуазии. И *лишь в условной форме* мы должны указать на *ее революционность*. Только такая формулировка будет в точности соответствовать всему духу учения Маркса».⁶

Ленинские высказывания, которые мы только что привели, не оставляют сомнений в том, что обвинение молодого Плеханова в недооценке революционных возможностей крестьянства не имеет под собой реальной почвы. Несомненно, что критики Плеханова шли в данном случае не от фактов, а механически переносили ошибки позднего Плеханова на деятельность Плеханова 1880-х годов.

Ложная мысль о якобы скептическом отношении Плеханова в 80-е годы к революционным возможностям крестьянства служила и служит его критикам аргументом для другого, не менее ошибочного, упрека в его адрес — упрека в огульно отрицательном отношении к народничеству, а также к творчеству Г. Успенского.⁷ Народничество, рассуждали критики Плеханова, является идеологией крестьянской демократии; отрицательно относясь к крестьянству, Плеханов неизбежно должен был перенести это отрицательное отношение и на крестьянско-демократическую идеологию, нашедшую, как известно, свое выражение как в народничестве, так и в творчестве Г. Успенского; отсюда все неудачи и ошибки Плеханова в его статье о Г. Успенском.

С такого рода рассуждениями нельзя согласиться. Плеханов, бесспорно, очень резко критиковал доктрины народничества, считая их в основе своей вредными для пролетарского движения; точно так же он выступил с критикой народнических иллюзий Г. Успенского. Но это вовсе не означает, что Плеханов не видел прогрессивного значения на-

⁵ В. И. Ленин, Сочинения, т. 10, стр. 147—148.

⁶ Там же, т. 6, стр. 34.

⁷ Во избежание недоразумения считаем необходимым оговориться, что мы вовсе не склонны рассматривать творчество Г. Успенского как прямое и последовательное выражение народнических идей. В творчестве Г. Успенского нашли выражение и блестящая критика ряда существеннейших положений народничества, и народнические иллюзии. Так считал Плеханов, так вслед за ним думаем и мы. Но в данном случае мы сознательно обращаем внимание лишь на одну сторону плехановских рассуждений — на ту, где речь идет об элементах народнической идеологии в мировоззрении автора «Власти земли». Это вызвано характером критических замечаний в адрес Плеханова, в которых рассматривается именно эта сторона вопроса.

родничества (в том числе и литературного), как это утверждают его критики.⁸

В неправомоности этого утверждения может убедиться каждый, кто внимательно прочтет хотя бы ту же статью о Г. Успенском, в которой Плеханов писал: «Наша народническая литература вообще и наша народническая беллетристика в частности обладает очень крупными достоинствами, которые тесно связаны с ее недостатками, как это бывает, впрочем, всегда. Враг всяких прикрас и искусственности, разночинец должен был создать и действительно создал глубоко правдивое литературное направление... Русское... литературное народничество выражает взгляды и стремления того общественного слоя, который в течение трех десятилетий был самым передовым слоем России. В этом заключается главная историческая заслуга названного направления» (V, 47).

Однако мнение, что Плеханов считал народничество сплошь реакционным, продолжает существовать.⁹ Чем же аргументируют критики Плеханова свою точку зрения? В подтверждение своей правоты они обычно приводят следующие ленинские высказывания. Одно — из письма Ленина к И. И. Скворцову-Степанову от 16 декабря 1909 года: «Особенность русского оппортунизма в марксизме, т. е. меньшевизма в наше время, состоит в том, что он связан с доктринерским упрощением, опощением, извращением буквы марксизма, изменой духу его (так было и с рабочеделством и с струвизмом). Воюя с народничеством, как с неверной доктриной *социализма*, меньшевики доктринерски просмотрели, прозевали исторически реальное и прогрессивное историческое содержание народничества, как теории массовой *мелкобуржуазной* борьбы капитализма демократического против капитализма либерально-помещичьего, капитализма „американского“ против капитализма „прусского“. Отсюда их чудовищная, идиотская, ренегатская идея (насквозь пропитавшая и «*Общественное движение*»), что крестьянское движение реакционно...»¹⁰

Резко отрицательные эпитеты, которыми Ленин характеризовал здесь меньшевистские воззрения на народничество, были несправедливо полностью перенесены на Плеханова 1880-х годов. В действительности речь в цитированном письме Ленина идет об известном коллективном труде меньшевиков «Общественное движение в России XX века». Как известно, Плеханов отказался принимать участие в этом издании ввиду обнаружившихся глубоких принципиальных расхождений с инициаторами и авторами издания (меньшевиками-ликвидаторами). Этот факт не прошел мимо внимания Ленина, и в письме к тому же И. И. Скворцову-Степанову от 2 декабря 1909 года, т. е. за неделю до вышеприведенного письма, Ленин пишет: «...знаете ли Вы о расколе у меков? Плеханов вышел из редакции их газеты „Голос Социал-Демократа“ и

⁸ См. об этом в упоминавшейся выше интересной статье П. А. Николаева «Г. В. Плеханов и литературное народничество» («Научные доклады высшей школы, филологические науки», 1958, № 3).

⁹ Не далее как в 1956 году появилась работа, в которой читаем: «Плеханов положил начало порочной меньшевистской концепции народничества как целиком реакционного движения на всех этапах его развития». Плеханов дал «ошибочное определение народничества как интеллигентского революционизма, как идеологии и выражения интересов разночинцев, что вело к идеалистическому представлению об интеллигенции как о некоей самостоятельной внеклассовой силе и суживало социальное значение народничества» (А. С. Кузьменков. *Методологические и эстетические основы литературной критики Н. К. Михайловского*. «Ученые записки Орехово-Зуевского педагогического института», факультет русского языка и литературы, т. III, вып. 2, М., 1956, стр. 153, 154).

¹⁰ В. И. Ленин, *Сочинения*, т. 16, стр. 102.

из редакции коллективного их труда: „Общественное движение в России XX в.“. В августе 1909 он выпустил „Дневник“ № 9, где обозвал меков пособниками ликвидаторов, а Потресову¹¹ прописал, что он-де мне не товарищ, что Потресов перестал быть революционером и пр. У нас идет дело на сближение с меньшевиками-плехановцами в целях укрепления партии». ¹² Эти слова не оставляют сомнений в том, что, критикуя реакционные представления меньшевиков о народничестве, Ленин не имел в виду Плеханова, а напротив, вел линию на сближение с ним ввиду наметившихся точек соприкосновения.

Если мы обратимся к работе Ленина «Две утопии» (1912), которая тоже очень часто используется для критики Плеханова, то увидим, что и в этом случае Ленин солидаризировался с его антинародническими работами 80-х годов. «Ясно,— писал Ленин,— что марксисты должны заботливо выделять из шелухи народнических утопий здоровое и ценное ядро искреннего, решительного, боевого демократизма крестьянских масс». ¹³ На этом обычно прерывают ленинскую мысль и делают вывод, что вот-де Плеханов не видел этого демократического ядра. Но Ленин, продолжая свою мысль, писал прямо противоположное: «В старой марксистской литературе, 80-х годов прошлого века, можно найти систематически проведенное стремление выделять это ценное демократическое ядро. Когда-нибудь историки изучат систематически это стремление и проследят связь его с тем, что получило название „большевизма“ в первое десятилетие XX века». ¹⁴

Кого же мог иметь в виду Ленин, говоря о русских марксистах 80-х годов, как не Плеханова, крупнейшего русского марксиста тех лет? К сожалению, историки пока не оправдали надежд Ленина на то, что когда-нибудь будет систематически изучена связь между идеями ранних плехановских работ и большевизмом XX века.

Утверждают, что Плеханов в народничестве, как и в творчестве Г. Успенского, не видел отражения настроений крестьянских масс. Это утверждение не менее ошибочно, чем предыдущие. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить высказывания Плеханова о «социологическом эквиваленте» некоторых течений народнической мысли. В 1884 году Плеханов писал: «Противоречия, свойственные данной социальной форме, неизбежным и роковым образом отражаются на образе мыслей и на поведении ее сторонников. Наши народники-легалисты, столь плодовитые на всякого рода рецепты для поддержания и упрочения „вековых устоев русского народного быта“, не замечают, что фактически они все более и более становятся выразителями той части крестьянства, которая является представительницей индивидуалистического принципа и кулацкой наживы» (I, 274).

А вот что говорит Плеханов о революционных народниках: «...так называемый русский социализм (речь идет о революционном народничестве, — Б. Б.) в сущности стоит в противоречии с интересами рабочего класса, по той простой причине, что он выражает собой интересы нашей мелкой (конечно, не кулацкой) буржуазии. И это противоречие, скрытое теперь в тумане неопределенных представлений об истине, справедливости и народном счастье, рано или поздно даст себя почувствовать самым недвусмысленным образом». ¹⁵

¹¹ А. Н. Потресов был одним из редакторов «Общественного движения...», — Б. Б.

¹² В. И. Ленин, Сочинения, т. 34, стр. 357—358.

¹³ Там же, т. 18, стр. 330.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Г. В. Плеханов, Сочинения, т. III, стр. 16—17.

Наконец, мысль о мелкобуржуазно-крестьянском социальном содержании доктрин народничества можно встретить и в статье о Г. Успенском. В этой статье внимательный читатель не может пройти мимо следующих строк: «Торжество капитализма до такой степени неизбежно в России, что в огромном большинстве случаев даже планы „новых“ людей (к ним Плеханов в данном случае относит и Г. Успенского,— Б. Б.) относительно „всеобщего благополучия“ носят на себе его печать. Эти планы отличаются тем, что, закрывая дверь для крупного капитала, они оставляют ее открытой для мелкой буржуазии. Такова „обаятельная диалектика“ русского разночинца» (V, 80).

Как видим, для Плеханова не был секретом факт отражения настроений крестьянства в произведениях интеллигентов-разночинцев, в том числе и Г. Успенского.

Единодушное возражение у критиков вызывает и указание Плеханова на отражение в народничестве, а также в творчестве Г. Успенского психологии разночинной интеллигенции. С их точки зрения, в данном случае следует говорить об отражении настроений демократических масс крестьянства и только. Однако, на наш взгляд, это не исключает того, что в народничестве могли отразиться и действительно отразились мысли и чувства разночинной интеллигенции, того слоя, к которому принадлежали по своему социальному положению многие народники.

В этой связи бесполезно напомнить высказывание Ленина о народничестве как направлении, соответствующем точке зрения разночинца. «Падение крепостного права,— пишет Ленин,— вызвало появление разночинца, как главного, массового деятеля и освободительного движения вообще и демократической, бесцензурной печати в частности. Господствующим направлением, соответствующим точке зрения разночинца, стало народничество».¹⁶

Отражение разночинско-интеллигентских настроений в народничестве, а также в творчестве Г. Успенского является неоспоримым фактом. Чем же, как не принадлежностью к разночинной интеллигенции, можно объяснить «болезнь совести», чувство «вины» перед народом, столь характерное для Г. Успенского и для многих народников? Ведь крестьянской массе это чувство совершенно не было свойственно, оно могло возникнуть и возникло лишь в среде демократической интеллигенции.

Плеханова часто обвиняют в том, что он, недооценивая революционную роль крестьянства и не понимая основного общественного содержания творчества Г. Успенского, недооценивал и художественное значение деятельности автора «Власти земли». В частности, указывают на то, что в обилии публицистического элемента в произведениях Г. Успенского Плеханов видит их «слабую сторону» (V, 45), что очерки, посвященные теме «власти земли», он называет «quasi-художественными» (V, 46), а о последних (написанных во второй половине 80-х годов) произведениях Г. Успенского говорит, что они «не имеют ничего общего с беллетристикой» (V, 46).

На основании этих и некоторых других аналогичных замечаний и рассуждений Плеханова А. В. Луначарский заключил, что Плеханов

¹⁶ В. И. Ленин, Сочинения, т. 20, стр. 224. Ср. с высказыванием Плеханова: «Образованный разночинец существовал и во времена крепостного права, но тогда он представлял собою слишком малочисленную группу людей... С падением крепостного права дело изменилось... В нашей литературе зарождается и быстро крепнет новое народническое направление...» (V, 41—42).

попал в плен «дворянско-буржуазного эстетства, из которого не вполне вырвался и Белинский, поскольку он так энергично настаивает на каком-то непроходимом водоразделе между художественной публицистикой и „изящной литературой“».¹⁷

У В. А. Десницкого эстетическая позиция Плеханова вызвала ассоциацию со взглядами К. Леонтьева. По мнению исследователя, художественная «слабость» произведений Г. Успенского и других беллетристов-народников, на которую указывает Плеханов, «была не столько „художественною беспомощностью“, не только и не столько „сознательным“ отходом от эстетики, сколько началом разрушения старой классовой эстетики, попыткой прорыва к новому искусству, к новым формам его, к новой эстетике, к искусству нового языка, новых образов, нового понимания (в искусстве) отношения коллектива и личности, новому отношению „публицистичности“ и чистой „художественности“ в литературных произведениях».¹⁸

Позднейший исследователь творчества Г. Успенского Н. И. Соколов, говоря о плехановской оценке произведений Г. Успенского, пишет: «...Плеханов недооценивает эстетическую сторону этих произведений, не вскрывает новаторский характер этой эстетики по сравнению с литературой предшествующего периода.

Не вскрыв глубокого крестьянского демократизма как идейной основы творчества Успенского и примыкающих к нему в какой-либо мере писателей, Плеханов не смог показать подлинных демократических основ художественных особенностей этого творчества».¹⁹

Общий смысл всех этих замечаний сводится к следующему: утверждая, что публицистика вредит художественности, Плеханов зачеркнул новаторское, демократическое содержание эстетики Г. Успенского; обращение Г. Успенского к публицистике свидетельствует не об известной слабости, а о художественной силе его творчества, является признаком нового, демократического искусства, означает шаг вперед по сравнению с литературой предшествующего периода; в отрицательном отношении к публицистике Г. Успенского проявился дворянско-буржуазный характер плехановских воззрений в области эстетики.

Такая оценка эстетической позиции Плеханова представляется нам малоубедительной. Можно ли безоговорочно утверждать, что обилие публицистики в очерках Г. Успенского представляет собою в эстетическом отношении шаг вперед по сравнению с литературой предшествующего периода — литературой Гоголя и Тургенева, Достоевского и Толстого? Любой человек, свободный от предвзятого отношения, ответит — нет. С точки зрения художественной произведения этих писателей были в общем выше, чем очерки Г. Успенского.

Критики предъявили Плеханову немало тяжких обвинений — в приверженности к дворянско-буржуазным взглядам, в недооценке демократической литературы и т. д. Но никто из них не осмелился опровергнуть мысль о том, что в художественном произведении идея требует образного воплощения. А ведь эта мысль является исходным пунктом рассуждений Плеханова о публицистике в произведениях Г. Успенского. Точка зрения Плеханова совпадает здесь с суждениями Маркса и Энгельса, которые не раз указывали, что в беллетристике «тенденция должна сама вытекать из положения и действия, без того, чтобы на

¹⁷ А. В. Луначарский. Плеханов как искусствовед и литературный критик. «Литературный критик», 1935, № 7, стр. 46.

¹⁸ В. А. Десницкий. На литературные темы. ГИХЛ, Л.—М., 1933, стр. 25.

¹⁹ Н. И. Соколов, ук. соч., стр. 277.

это специально указывалось».²⁰ Плеханов считал, что на языке художественных образов Г. Успенский мог говорить и говорил значительно ярче, чем на языке публицистики. В плехановском указании на этот очевидный факт мы не видим ни приверженности к дворянско-буржуазным взглядам, ни недооценки демократической литературы. Зачем отрицать очевидное, чтобы оправдать отступления писателя от «беллетристизма»? Эти отступления не случайны, они имеют свои причины, на которые, между прочим, Плеханов и указывает в своей статье.

Анализируя творчество Г. Успенского, Плеханов обратил внимание на тот факт, что в произведениях этого писателя нет таких рельефных, ярко очерченных характеров, богатых картин страстей и сложных душевных переживаний, какие встречаются в произведениях Лермонтова, Тургенева, Л. Толстого и некоторых других литераторов. Объясняя причину этого явления, Плеханов писал: «Художественному изображению хорошо поддается только та среда, в которой личность человеческая достигла уже известной степени выработки. Торжеством художественного творчества является изображение личностей, принимающих участие в великом прогрессивном движении человечества, служащих носителями великих мировых идей. Но само собой разумеется, что подобной личностью не может быть „староста Семен Никитич“, для которого вся окружающая его обстановка служит выражением не его собственной, а какой-то посторонней, совершенно чуждой ему мысли и воли. Мы видим, таким образом,— заключает Плеханов,— что преобладающий общественный интерес настоящего времени привел наших народников-беллетристов к изображению крестьянской жизни, но характер этой жизни должен был невыгодно отразиться на характере их художественного творчества» (V, 66). Это суждение вызвало несогласие некоторых современных исследователей Успенского. Один из них писал: «Несостоятельность этой точки зрения Плеханова не нуждается, на наш взгляд, в особой аргументации. Придавленность личности в народной среде при эксплуататорском строе является историческим фактом. Но это отнюдь не исключает богатства индивидуальностей, составляющих народную массу. Раскрытие литературой духовного богатства народа, представителей народной массы, как и всей массы в целом, осуществляется всем поступательным ходом истории литературы. Плеханов же своей точкой зрения выдвигает предметом изображения высоко эстетических произведений лишь „великих личностей“, „героев“. Эта теоретическая позиция, можно сказать, с неизбежностью обусловила... недооценку художественных позиций демократической литературы...»²¹

В этом возражении не все понятно, а что понятно, то, с нашей точки зрения, ошибочно. Мы так и не могли понять смысла и назначения фразы: «Раскрытие литературой духовного богатства народа... осуществляется всем поступательным ходом истории литературы». Если это просто означает, что в нашей литературе говорилось и говорится о духовном богатстве народа, то непонятно, как эта мысль может служить доводом против Плеханова. Как будто бы Плеханов возражал против изображения духовных богатств народа!

²⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXVII, стр. 505.

²¹ Н. И. Соколов, ук. соч., стр. 280. См. также работу того же автора «Мастерство Г. И. Успенского» («Советский писатель», Л., 1958, стр. 142), где, правда в более мягкой форме, высказывается та же мысль. Из других авторов, выступавших в этом вопросе против Плеханова, можно назвать Н. А. Глаголева (см. его брошюру «Глеб Иванович Успенский», 1953).

Мысль Плеханова проста и убедительна. Беллетристы-народники впервые сделали мужика главным героем своих произведений и добились больших успехов в его изображении. Но в то же время они не могли не сталкиваться с неразвитостью крестьянской массы, а это, соответственно, не могло не наложить отпечатка на их творчество. Произведения Успенского не дают и не могут дать таких психологически сложных и тонких характеров, какие встречаются у Лермонтова, Тургенева, Л. Толстого, Достоевского и др., по той простой причине, что духовная жизнь забитой, неразвитой народной массы, которая была предметом творчества беллетристов-народников, не отличалась особым богатством и разнообразием. Другое дело — представители той среды, из которой черпали своих героев Лермонтов, Тургенев, Л. Толстой и другие писатели поколения 1830—1840-х годов (мы не говорим здесь о сравнительно немногочисленных произведениях Тургенева и Л. Толстого на крестьянскую тему). Свободные от гнета «власти земли», обогащенные плодами цивилизации, они живут более разнообразной и сложной (хотя зачастую менее здоровой) духовной жизнью. Это — бесспорный исторический факт.

Вполне понятно, что более развитая духовная жизнь представителей привилегированных классов и сословий давала художнику более богатые возможности для изображения сложных психологических характеров, тонких душевных движений, разнообразных страстей и т. п., чем неизведанная область экономически и культурно неразвитой, придушенной гнетом крепостничества деревенской жизни.

Что общего между этими рассуждениями и тем, что увидел в них Н. И. Соколов? Ровным счетом ничего. Плеханов и не думал выдвигать исключительным предметом высокого искусства «великих личностей» и «героев». Не закрывая глаза на потенциальные духовные богатства народа, видя в его раскрепощении единственный смысл своей жизни и деятельности, Плеханов (как и Г. Успенский) обращал вместе с тем основное внимание на уродующее влияние эксплуатации и экономической отсталости на мысли и чувства народа. Думается, что в плехановской постановке вопроса содержалось не менее уважения и любви к народу, чем в панегириках «народопоклонников», но она выгодно отличается от их позиции деятельным характером выраженного в ней чувства и более историчным, трезвым и реалистическим подходом к жизни. В своей статье о Г. Успенском Плеханов несомненно продолжал линию Чернышевского, обозначенную еще в статье «Не начало ли перемены?».

Вред ложных представлений о мировоззрении молодого Плеханова заключается, помимо всего прочего, еще и в том, что они уводят в сторону от исследования действительных недостатков его литературно-критических статей 1880-х годов.

В настоящее время, в связи с тем, что начинает обнаруживаться неубедительность некоторых традиционных замечаний в адрес молодого Плеханова, намечается опасность вообще некритического отношения к его первым литературным опытам. Само по себе справедливое стремление к «реабилитации» Плеханова от несостоятельных обвинений приводит иногда к односторонним, исключительно положительным оценкам его деятельности в рассматриваемый период.²² Одна крайность сменяется другою.

²² К сожалению, это относится и к упомянутой выше статье П. А. Николаева «Г. В. Плеханов и литературное народничество».

Не следует забывать, что в 1880-е годы Плеханов делал лишь самые первые шаги на поприще литературной критики, причем собственно литературные проблемы затрагивались им лишь от случая к случаю. Неудивительно поэтому, что в литературно-критических статьях Плеханова 1880-х годов можно встретить иногда слишком прямолинейные и односторонние суждения.

В качестве примера можно взять плехановские рассуждения о происхождении одной из специфических черт художественного письма Г. Успенского, а именно — обилии в его очерках публицистики. По мнению Плеханова, это вызвано в конечном итоге принадлежностью писателя к разночинной интеллигенции. Плеханов утверждает, что психология разночинной интеллигенции была одновременно и психологией Г. Успенского и что это создавало предпосылки для обращения к публицистике.

Плеханов рассуждает следующим образом. Разночинец-интеллигент — это пасынок современного ему общества, он — «пролетарий, хотя бы и дворянского происхождения. Он должен в поте лица своего зарабатывать хлеб свой» (V, 43). Это обстоятельство отразилось определенным образом на духовном облике интеллигента-разночинца.

«Безобразный политический строй,— пишет Плеханов,— по существу своему враждебный всякой нечиновной „интеллигенции“, все более и более возбуждал оппозиционный дух в нашем образованном пролетариате, между тем как неопределенность и двусмысленность его положения между высшими классами, с одной стороны, и народом — с другой, заставляли его задуматься над вопросом о том, что делать?» (V, 41—42).

На этот «проклятый» вопрос давались различные ответы, но всем интеллигентам-разночинцам ясно было одно: нужно связывать планы своей деятельности с жизнью народа. «Неудивительно поэтому,— продолжает Плеханов,— что именно наш разночинец с такой жадностью набрасывался на всевозможные исследования народной жизни. Одна, более решительная часть этих своеобразных пролетариев непродуцибельного (в экономическом смысле этого слова) труда искала в народе опоры и поддержки своим оппозиционным и революционным стремлениям; другая, мирная часть просто смотрела на народ как на такую среду, в которой она могла бы жить и работать, не поступаясь своим человеческим достоинством и не прислуживаясь ни к какому начальству. И для тех и для других знакомство с народом было обязательно» (V, 42).

Доминирующим стремлением разночинца становится стремление «переделать общественные отношения» (V, 43). В результате этого «общественные интересы преобладают у него над всеми прочими» (V, 43). На этой почве у него возникло презрительное отношение к философии, которую он называл метафизикой. По этой же причине «чисто литературные вопросы занимают его сравнительно очень мало. Еще недавно он был даже в формальной ссоре с искусством, хотел окончательно „разрушить эстетику“, находил, что „хороший сапожник лучше всякого Рафаэля“, и презирал Пушкина за то, что тот не занимался естествознанием и не писал тенденциозных романов. Теперь он понимает, что это было с его стороны крайностью. Теперь он охотно отдает должную дань искусству, гордится Пушкиным и Лермонтовым, восхищается Толстым и Тургеневым. Но и теперь он это делает как бы мимоходом, по пословице: „делу время, потехе час“. С восторгом прочитавши какую-нибудь „Анну Каренину“, он опять и надолго принимается за статьи по общественным вопросам, опять спорит об общине, наблюдает и иссле-

дует народную жизнь... Его внимание поглощено борьбою — все равно мирной или революционной, законной или „преступной“, — и ему просто „некогда заниматься словесностью“ ради словесности, „боготворить красоту“, наслаждаться искусством» (V, 43—44).

Таким образом, по мнению Плеханова, Г. Успенского «заставляет взяться за перо не столько потребность в художественном творчестве, сколько желание выяснить себе и другим те или другие стороны наших общественных отношений. Поэтому рассуждение идет у него рядом с художественным изображением и автор нередко является гораздо менее художником, чем публицистом» (V, 45).

Смысл рассуждений Плеханова о причинах, побудивших Г. Успенского обратиться к публицистике, сводится в конце концов к следующему: социальное положение разночинной интеллигенции толкает ее в оппозицию к существующему порядку вещей, вызывает у нее стремление переделать общественные отношения; это приводит к тому, что общественные интересы начинают у нее преобладать над литературными, а публицистика начинает вторгаться в беллетристику.

Непосредственной причиной появления публицистики в произведениях Г. Успенского Плеханов считает преобладание у писателя общественных интересов над интересами литературными. Такое преобладание действительно имело место в сознании Г. Успенского и, по всей вероятности, предрасполагало писателя к публицистике. Но не более. У кого из крупных писателей-современников Г. Успенского общественные интересы не преобладали над литературными! Л. Толстой, Достоевский, Тургенев, Гаршин — все они были охвачены всепоглощающим интересом к текущей общественной жизни, но никто из них не допускал в своем творчестве такого обилия прямой публицистики, какое позволял себе Г. Успенский. Значит, дело не в преобладании общественных интересов над литературными, а в чем-то ином. В чем же?

Г. Успенский был писателем-социологом. В этом его коренное отличие от большинства его современников-беллетристов. Ни Тургенев, ни Достоевский, ни Л. Толстой не придавали такого огромного значения социологическому объяснению мыслей, чувств, поступков своих героев, как Г. Успенский.

Мировоззрение Тургенева, Достоевского, Л. Толстого сформировалось в годы, когда философская, нравственно-этическая и религиозная интерпретация явлений общественной жизни преобладали над социологической. Что касается Г. Успенского, то его мировоззрение оформилось в период широкого распространения социологической мысли в умах русской интеллигенции. И это оказало сильнейшее влияние на все его творчество. Если Тургенев в «Записках охотника» (то же можно сказать о Л. Толстом, Писемском, Григоровиче и других авторах произведений на крестьянскую тему) выступает в роли художника-психолога, если он, как правило, дает художественно-психологическое раскрытие крестьянских характеров, то Г. Успенский во «Власти земли», помимо этого, исследует влияние условий земледельческого труда на психику крестьянина и выступает, таким образом, одновременно и в роли мыслителя-социолога. Это делает совершенно неизбежным публицистические рассуждения в его произведениях. Очерки Г. Успенского часто строятся по методу научного исследования: тезис, примеры, доказывающие верность тезиса, и общий вывод. Беллетристическое начало присутствует в этих случаях лишь в примерах, иллюстрирующих общую мысль. Эта общая мысль получает выражение в публицистической форме.

Не следует представлять себе дело таким образом, будто Г. Успен-

ский мог, но не хотел прибегнуть к беллетристике там, где он обращается к публицистике. Обращение к публицистике диктовалось во многом самим ходом общественного и литературного развития. В пореформенной России существовали такие стороны действительности, в постижении которых методы «чистой» беллетристики были бессильны. Это в полной мере относится к деревенской жизни. Прямое художническое наблюдение и изображение (путем психологического раскрытия отдельных характеров) не могло дать удовлетворительного ответа на ряд важных вопросов, интересовавших общество. Приходилось либо отказываться от поисков ответа на эти вопросы, либо отступать от беллетризма и прибегать к другим — внехудожественным, научно-социологическим — путям и методам исследования. Г. Успенский избрал последнее (здесь сказалось и отмеченное Плехановым преобладание общественных интересов над всеми прочими), что и привело его к публицистике.

В дореформенную эпоху деревня лишь только начинала по-настоящему входить в поле зрения русских писателей. В это время имело громадное значение даже простое реалистическое изображение деревенской жизни — воспроизведение характеров, нравов, образа жизни, быта и т. п. Эта задача с успехом могла быть выполнена и выполнялась средствами беллетристики.

В пореформенную эпоху этого уже было мало. Первое знакомство с деревней состоялось. Теперь всех волновал вопрос о факторах и тенденциях развития деревенской жизни. Почему многие крестьяне продолжают верить в царя, может ли деревня противостоять капитализму, каковы характер и судьба общины и т. д. и т. п.?

Попытки найти ответ на эти вопросы путем прямого художнического проникновения в душу крестьянина часто не давали искомого объяснения. Нужно было хорошо знать факторы, определявшие духовную жизнь крестьянства. Столь важная для реалистической литературы проблема «герой и среда» резко осложнилась. Необходимо было понять, в каком направлении изменяется сама среда, ибо без этого в ряде случаев невозможно было полнокровно-реалистическое изображение героя. Так в произведениях Г. Успенского сама «среда» стала самостоятельным «героем». Чтобы охватить единой мыслью и единым чувством человека и окружающую его среду, чтобы создать цельные, подлинно художественные образы, в которых гармонически сочетались бы ум писателя и его чувство, нужно было составить себе четкое представление о новой общественной атмосфере, в которой оказалось русское крестьянство после 60-х годов. Сложные процессы новой, более развитой общественной жизни, шедшей на смену крепостнической эпохе, не могли быть постигнуты без помощи социологического анализа. Г. Успенский понял это и вступил на каменистую почву социологической проблематики. На этой почве и выросла его публицистика.

Сказанное, как нам кажется, позволяет сделать вывод, что отмеченное Плехановым преобладание у Г. Успенского общественных интересов над литературными являлось хотя и важным, но не единственным фактором, определившим особенности его литературной манеры.

Плеханов считает, что преобладание общественных интересов над литературными, породившее, по его мнению, обилие публицистики в произведениях Г. Успенского, вызвано в конечном итоге особенностями социального положения писателя, его принадлежностью к различной интеллигенции.

Каков разночинец вообще, таков и разночинец-писатель, таков и

Г. Успенский — вот логика рассуждений Плеханова.²³ Формальная логика здесь торжествует над диалектической, в результате чего сама по себе верная мысль о социальной обусловленности художественного творчества приобретает вульгарно-социологическую окраску. Ведь формальная принадлежность к разночинной интеллигенции еще не обуславливает обращения к публицистике. Можно назвать немало писателей разночинцев (Чехов, Гаршин, Альбов, Баранцевич и др.), как правило, чуждавшихся прямой публицистики в своих произведениях. Попытка Плеханова объяснить склонность Г. Успенского к публицистике особенностями социального положения писателя свидетельствует о том, что в 1880-е годы, в начале своей литературно-критической деятельности, он не был свободен от элементов упрощенно материалистического подхода к явлениям литературы.²⁴

Возможно, что Плеханов сам чувствовал шаткость своей позиции. Во всяком случае, он не ограничился только что приведенным истолкованием истоков литературной манеры Г. Успенского и предложил несколько других объяснений.

Вот одно из них. «Народническая беллетристика,— пишет Плеханов,— рисует нам не индивидуальные характеры и не душевные движения *личностей*, а привычки, взгляды и, главное, общественный быт *массы*. Она ищет в народе не человека вообще, с его страстями и душевными движениями, а представителя известного общественного класса, носителя известных общественных идеалов. Перед мысленным взором беллетристов-народников носят не яркие художественные образы, а прозаические, хотя и жгучие вопросы народной экономии. . . Есть художники-психологи. С известными оговорками, народников-беллетристов можно бы, пожалуй, назвать художниками-социологами» (V, 46).

В той же статье о Г. Успенском Плеханов пишет: «. . . вполне уместно было бы задаться вопросом о том, насколько основательны усвоенные нашими народниками-беллетристами взгляды на русскую жизнь и не зависят ли главные художественные недостатки их произведений хотя бы отчасти от ошибочности и узости этих взглядов?» (V, 48).

К сожалению, эти интересные, но разрозненные, не связанные общей мыслью замечания не получили в статье развития. Плеханов лишь подходил к развернутому исследованию литературной манеры Г. Успенского.

Специального внимания заслуживает вопрос о соотношении плехановской критики и русской просветительской литературно-критической мысли.

Определяя место Плеханова в истории русской литературной критики, современные исследователи справедливо утверждают, что Плеханов продолжил лучшие традиции революционных демократов. Об этом написано немало обстоятельных работ, и это освобождает нас от необходимости особого разговора на эту тему.²⁵

²³ Плеханов, например, писал: «Зная, что писатель является не только *выразителем* выдвинувшей его общественной среды, но и *продуктом* ее; что он вносит с собой в литературу ее симпатии и антипатии, ее мирозерцание, привычки, мысли и даже язык, мы с уверенностью можем сказать, что и в качестве художника наш разночинец должен был сохранить те же характерные черты, которые вообще свойственны ему, как разночинцу» (V, 42).

²⁴ Об этом же свидетельствует плехановский анализ наблюдений и соображений Г. Успенского о «власти земли», а также некоторые рассуждения Плеханова о задачах и формах искусства пролетариата.

²⁵ Заметим лишь, что в 1870-е годы, в период своей народнической деятельности, Плеханов испытал влияние Писарева (этот факт не останавливал на себе внимания исследователей). Плеханов был солидарен с писаревской трактовкой творчества Пушкина

Что касается связей Плеханова с просветительской критикой конца 1860—1880-х годов (Н. К. Михайловский, П. Н. Ткачев и др.), они до сих пор почти не изучены. Между тем в 1880-е годы такие связи, как нам кажется, имели место. Об этом, в частности, свидетельствует попытка Плеханова вывести особенности литературной манеры Г. Успенского из особенностей социального положения писателя.

Откуда появилось у Плеханова такого рода социологическое упрощение? Ответить на этот вопрос помогают высказывания Ленина о некоторых особенностях философских воззрений Плеханова. В целом философские работы Плеханова представляли собою, по мнению Ленина, «лучшее во всей международной литературе марксизма».²⁶ Это не означало, однако, того, что как философ Плеханов, в представлении Ленина, был непогрешим. Так, о плехановской критике неокантианства Ленин писал следующее: «Плеханов критикует кантианство (и агностицизм вообще), более с вульгарно-материалистической, чем с диалектически-материалистической точки зрения, *поскольку* он лишь *à limine* (с порога, — Б. Б.) *отвергает* их рассуждения, а не *исправляет* (как Гегель исправлял Канта) эти рассуждения, углубляя, обобщая, расширяя их, показывая *связь* и *переходы* всех и всяких понятий».²⁷ Эти слова Ленина относятся к деятельности Плеханова конца 1890-х — начала 1900-х годов. Тем более они имеют отношение к молодому Плеханову, еще только вступающему на путь литературной деятельности.

По поводу плехановских рассуждений о буржуазном характере революции 1905 года Ленин сделал следующее замечание методологического характера: «Конкретный анализ положения и интересов различных классов должен служить для определения точного значения этой истины в ее применении к тому или иному вопросу. Обратный же способ рассуждения, нередко встречающийся у социал-демократов правого крыла с Плехановым во главе их, — т. е. стремление искать ответов на конкретные вопросы в простом логическом развитии общей истины об основном характере нашей революции, есть опoшление марксизма и сплошная насмешка над диалектическим материализмом».²⁸

В статье Плеханова о Г. Успенском мы как раз и сталкиваемся с формально логическим «способом рассуждения». На конкретный вопрос об истоках литературной манеры Г. Успенского Плеханов пытается найти ответ путем простого логического развития истины о влиянии социального положения писателя на его сознание. В результате — упрощение и схематизм в решении сложной проблемы.

Эти ошибки, очевидно, не были для Плеханова случайностью. Вероятно, здесь мы имеем дело с некоторыми непреодоленными воззрениями народнического этапа литературной деятельности Плеханова.

Известно, что Плеханов в бытность свою народником никогда не был приверженцем субъективно-социологического направления народнической мысли. Он принадлежал к числу литераторов-народников, стремившихся придерживаться «объективного метода» в социологии,

кина. «Все мы, — вспоминал он в 1917 году, — в большей или в меньшей степени разделяли взгляд Писарева, который „разнес“ нашего великого поэта в известной статье „Пушкин и Белинский“» (Г. В. Плеханов. Литература и эстетика, т. II. Гослитиздат, М., 1958, стр. 208). Уже будучи автором «Социализма и политической борьбы» и «Наших разногласий», Плеханов продолжал считать, что роман «Евгений Онегин» идейно близок только людям высших классов и что «рабочий просто не поймет внутреннего содержания этого романа» (Г. В. Плеханов. Литература и эстетика, т. II, стр. 183). В 1887 году в статье о Г. Успенском Плеханов признал такое отношение к творчеству Пушкина «крайностью» (V, 43).

²⁶ В. И. Ленин, Сочинения, т. 32, стр. 73.

²⁷ Там же, т. 38, стр. 170.

²⁸ Там же, т. 3, стр. 10.

но не поднявшихся при этом до диалектико-материалистической точки зрения. Для всех них, в большей или меньшей степени, был характерен вульгарно-материалистический подход к изучению общественной жизни. Сюда, по-видимому, отчасти и восходят рассмотренные нами ошибки Плеханова.²⁹

Тот факт, что Плеханов обнаруживает склонность к «метафизическому» материализму, не означает, разумеется, что все основные положения его социологических убеждений носили печать «метафизического» материализма.

Плеханов, по его собственному признанию, стремился «обращать главное внимание не на субъективную, а на объективную сторону дела, не на мысли и чувства отдельных личностей... а на социальные условия, с которыми им приходится считаться, на внутренний смысл тех общественных задач, за решение которых они берутся» (I, 313). Это было большим достоинством его научной методологии и в обстановке господства народнической субъективной социологии имело особое значение.

В подтверждение сказанного можно привести плехановский анализ некоторых особенностей мировоззрения Г. Успенского. Плеханов обращает внимание на присущую писателю идеализацию условий земледельческого труда. Такого рода идеализация действительно имела место. Г. Успенский считал, что патриархальный земледельческий труд, в отличие от машинного, создает наиболее богатые возможности для гармонического развития личности. Цивилизация и связанное с ней разделение труда, по мнению Г. Успенского, лишь разрушают человеческую личность. Исходя из этого, Г. Успенский отрицает положительное значение развития капитализма в России, объявляет земледельческий труд идеалом каждого человека и советует интеллигенции жить «трудами рук своих», т. е. заниматься сельскохозяйственной деятельностью.

Плеханов энергично возражает против всех этих теорий. Он утверждает, что идеализация мужика, огульно отрицательное отношение к капитализму и упования на «выпрямляющую» роль земледельческого труда в такой же мере несостоятельны, в какой и реакционны. Пока разночинец, пишет Плеханов, «будет искать себе поддержки только между Иванами Ермолаевичами, до тех пор у него не будет *никакой поддержки*».

Идеализированный им „народ“ (т. е. «хозяйственный» крестьянин) останется глух к его призывам. Вот почему, продолжая держаться народнической точки зрения, он всегда будет находиться в самом ложном и противоречивом положении. Он будет сочинять нескладные общественные теории, открывать давно уже открытые Америки, не имея действительной связи с жизнью, не чувствуя никакой прочной почвы под ногами» (V, 72).

С особой резкостью Плеханов критикует теорию «трудами рук своих». Он прямо говорит, что осуществление этой теории было бы на руку царскому правительству. В самом деле, «целые десятки лет оно

²⁹ Вряд ли случаен тот факт, что некоторые рассуждения Плеханова в его статье о Г. Успенском перекликаются с мыслями известного «объективного социолога» П. Н. Ткачева, высказанными им в статье «Недодуманные думы» (1872). П. Н. Ткачев, как и Плеханов, только в более прямолинейной, а порою даже в грубой форме, связывает особенности литературной манеры Г. Успенского с формальной принадлежностью писателя к разночинной интеллигенции. Мы не думаем, что существовало прямое влияние П. Н. Ткачева на Плеханова. Для такого вывода у нас нет данных. Мы хотим лишь сказать, что в первой большой литературно-критической статье Плеханова-марксиста имеются переклички со статьями П. Н. Ткачева и что эти переклички связаны с неизжитым до конца народническим прошлым Плеханова.

совершенно исключает из своих исследований вопрос о субъективных ощущениях, возбуждаемых данным произведением; в противоположность критике идеалистической, она не задается никакими предвзятыми идеалами и ставит своею единственною задачею служить, с одной стороны, науке, доставляя ей разработанный психологически и социологически материал, с другой стороны,— жизни, внося в анализ ее явлений научные обобщения и выводы. Наконец, в полном согласии с отжившей метафизической эстетикой она требует от критика специальных научных сведений в тех отраслях знания, которые имеют своим предметом изучение общей природы социальных и психологических процессов, т. е. в общественных науках и реальной психологии.³³

Плехановские работы были, как правило, прямым отрицанием работ П. Н. Ткачева (за исключением, разумеется, тех единичных случаев, о которых говорилось выше). Линией водораздела между ними было понимание самой «объективной стороны дела», т. е. условий и законов жизни общества.

Для П. Н. Ткачева, как, впрочем, и для Н. К. Михайловского (здесь между ними сходство), законы общественной жизни сводились к законам жизни отдельной личности. «Единственный общий знаменатель, к которому могут быть приведены все процессы,— писал Н. К. Михайловский,— есть человек...»³⁴ Такой же точки зрения придерживался, в сущности, и П. Н. Ткачев. Разница между ними была в том, что, анализируя человеческую личность, П. Н. Ткачев уделял основное внимание тем ее свойствам, которые испытывают непосредственное влияние социально-экономической среды (стремление к расширению средств существования, наслаждения и т. д.), Н. К. Михайловский же почти не касался проблемы функциональной зависимости человеческих чувств от социально-экономической среды; его интересовали по преимуществу имманентные законы развития человеческого чувства (законы подражания, гармонического развития личности и т. п.). В этом различие между двумя социологами. Но при этом различии П. Н. Ткачев и Н. К. Михайловский были, повторяем, едины в том, что не выходили скольнибудь далеко за пределы изучения свойств личности. Имея самые расплывчатые понятия о механизме социально-экономического развития, они ограничивались тем, что распространяли законы жизни отдельной личности на законы жизни всего общества в целом, не учитывая того, что в человеческом обществе существует целый ряд явлений, от человека эмансипировавшихся, явлений, с законами и особенностями развития которых человек обязан считаться.

Такой односторонний подход не мог не отразиться самым отрицательным образом на литературно-критической деятельности П. Н. Ткачева и Н. К. Михайловского. Сводя особенности и законы развития общества к законам и особенностям развития отдельной личности, П. Н. Ткачев и Н. К. Михайловский часто не могли верно и полно определить объективное общественное содержание произведений искусства и объективные общественные факторы, оказавшие влияние на их создание. Они были далеки от признания того факта, что логика личных намерений автора иногда может не совпадать с внутренней логикой изображенной им жизни.

Отсюда и их склонность к объяснению особенностей художественного произведения исключительно особенностями личности создавшего их автора. Так, мы уже видели, что П. Н. Ткачев, на основании того,

³³ П. Н. Ткачев, Избранные сочинения на социально-политические темы в семи томах, т. VI, Соцэкгиз, М., 1937, стр. 319.

³⁴ Н. К. Михайловский, Сочинения, т. IV, СПб., 1897, стр. 64.

что в произведениях Г. Успенского нередко можно встретить образ «скучающего лентяя», объявил самого писателя «скучающим лентяем». Особенности художественной формы произведений Г. Успенского П. Н. Ткачев объяснил особенностями психики «скучающих лентяев», т. е., в представлении критика, разорившихся дворян.

Н. К. Михайловский не был склонен отождествлять личность писателей с обликом их героев. Но и он, подобно П. Н. Ткачеву, все особенности произведений искусства выводил из особенностей психологии их автора (с той, правда, разницей, что в поле его зрения находились по преимуществу индивидуально-неповторимые, а не социально-типические особенности писательской психологии). Например, анализируя особенности литературной манеры того же Г. Успенского, Н. К. Михайловский утверждал, что обрывочность и незавершенность творений этого писателя в конце концов «определяется не внешними влияниями, а некоторыми коренными свойствами его таланта и даже всего его духовного склада. Таков, во-первых, его художественный аскетизм, возбуждающий его расходовать как можно меньше красок и линий и довольствоваться схимой-схемой вместо приличествующего художнику „цветного платья“. Такова, во-вторых, его чрезмерная отзывчивость и связанная с нею лихорадочная торопливость в передаче читателю своих впечатлений и их комбинаций».³⁵

В самом деле, раскрывает свою мысль Н. К. Михайловский, Г. Успенскому «не дѣрога никакая художественная подробность, если она не ведет прямо к цели; он без всякой жалости на нее наступит, смажет ее и сделает это таким приемом, какой попадется под руку: просто умолчит или обойдет словами „от себя“, публицистической экскурсией».³⁶ К такому же результату — к незавершенности, обрывочности, нарушению композиционной стройности, продолжает свою мысль Н. К. Михайловский, ведет и не может не вести и другая особенность природы писателя — чрезмерная отзывчивость: «„Волнуясь и спеша...“, нельзя даже при полном желании отойти от „людей и нравов“ (одно из заглавий Успенского) на такое расстояние, чтобы они отлились в законченную художественную форму без явственных следов крови сердца писателя. Брызги крови разве только по какой-нибудь особенно счастливой случайности могут расположиться симметрично или вообще с той правильностью, какая нужна для законченности формы».³⁷

Итак, очеркизм и публицистичность произведений Г. Успенского Н. К. Михайловский объясняет двумя особенностями таланта и психической организации писателя — «художественным аскетизмом» и «чрезмерной отзывчивостью и связанной с нею лихорадочной торопливостью в передаче читателю своих впечатлений и их комбинаций».

В этом толковании привлекает очень верная и тонкая обрисовка неповторимых особенностей личности Г. Успенского, отразившихся несомненно и на форме его произведений. Здесь Н. К. Михайловский добился больших успехов.

И все же трактовку Н. К. Михайловского нельзя признать достаточно глубокой. Конечно, художественный аскетизм и чрезмерная отзывчивость создавали у Г. Успенского определенную склонность к публицистическому очерку. Но, очевидно, этого еще было недостаточно для того, чтобы Г. Успенский стал автором очерков в духе «Деревен-

³⁵ Н. К. Михайловский. Литературно-критические статьи. Гослитгиздат, М., 1957, стр. 335.

³⁶ Там же, стр. 333.

³⁷ Там же, стр. 335.

ского дневника» и «Власти земли». Значительную часть своего творческого пути Г. Успенский проделал в качестве беллетриста в точном смысле этого слова. В это время, как и позже, ему были присущи и художественный аскетизм и чрезмерная отзывчивость, но они не порождали тогда обилия публицистических отступлений. Значит, дело не только в особенностях таланта и психического склада писателя, а еще и в каких-то причинах объективного порядка (выше указывались некоторые из этих причин — влияние социологической мысли на художественное сознание Г. Успенского, свойства самого объекта изображения и др.). В этом невнимании к «объективной стороне дела» явственно проявилась ограниченность социологических и соответственно — литературно-критических воззрений Н. К. Михайловского.

Как уже говорилось выше, сила Плеханова заключалась в том, что именно в анализе «объективной стороны дела» он не знал себе равных. Благодаря этому ему удалось расширить границы литературно-критического исследования, ввести в него (впервые в русской критике) научно-марксистский анализ социального содержания произведений искусства.

Литературную деятельность Плеханова (как, впрочем, и любого другого лица) можно оценивать с двух родственных, но не вполне совпадающих точек зрения — общетеоретической и конкретно-исторической. С точки зрения общетеоретической работы Плеханова в области литературной критики представляют собой сложное целое, в котором верные суждения переплетались иногда с ошибочными. Плеханов глубоко и мастерски обнаруживал «социологический эквивалент», объективное общественное содержание творчества того или иного писателя. Но более сложной задачи — диалектически проследить взаимодействие индивидуально-психологического и социально-типического моментов в деятельности художника — Плеханов в 1880-е годы перед собою еще не ставил.

С точки зрения конкретно-исторической, т. е. с точки зрения того, что нового внес Плеханов в современную ему литературную критику, плехановские статьи были в ряде существенных моментов несомненным шагом вперед по сравнению со статьями его предшественников и современников. Пусть не всегда удачно, Плеханов первый в России поставил на службу литературной критике исторические достижения марксизма в области изучения общественной жизни. Эта заслуга и определяет его выдающуюся роль в истории русской литературно-критической мысли 1880-х годов.

